

ВЗРОСЛЫЙ БИЛЕТ

ВИКТОР СТЕКЛОВ

САНИТАРНЫЙ
БОРТ

ПОСАДКА ТОЛЬКО
ДЛЯ ТЕХ,
КТО НЕ МОЖЕТ ЖДАТЬ

Бабушки в космосе

Виктор Стеклов

Взрослый билет

«Автор»

2026

Стеклов В.

Взрослый билет / В. Стеклов — «Автор», 2026 — (Бабушки в космосе)

Четырнадцатилетний Костя впервые летит с младшей сестрой Лизой без взрослых — с далекой колонии на Альфе Центавра на Землю. С ними только говорящий робот Гоша, который по документам проходит как «дорогая техника». Бравируя ролью старшего, Костя втайне меняет безопасный маршрут, чтобы сделать небольшой крюк ради собственной прихоти. Но эта ошибка оборачивается настоящей бедой: на транзитной таможне Кешу хладнокровно конфискуют, так как провоз подобной техники запрещен из-за санкций. До отлета спасительного рейса домой остаются считанные минуты. Косте предстоит сделать самый сложный выбор в жизни: повести себя как испуганный ребенок, попытавшись оправдаться малодушным «купим нового», или принять по-настоящему взрослое решение и пожертвовать билетами ради друга, который рос вместе с ними. Это пронзительная космическая история о взрослении, семье и о том, что настоящая ответственность измеряется не строгим голосом, а готовностью исправлять свои ошибки и не бросать своих.

© Стеклов В., 2026

© Автор, 2026

Виктор Стеклов

Взрослый билет

Взрослый билет

Утро на Альфе Центавра начиналось дважды. Сперва из-за горизонта тяжело, словно нехотя, вставало большое белое солнце, а следом за ним выкатывалось второе, поменьше, рыжее и суетливое. Тени во дворах на минуту двоились, ломались, и всякий, кто шёл в этот час по улице, вёл за собой сразу два силуэта, не всегда между собой согласных. Местные к этому давно притерпелись и теней не считали, как на Земле не считают облаков.

Посёлок под куполом просыпался с привычным гулом, и пахло на улице тёплой пылью да пригоревшим сахаром, потому что у кого-то с утра барахлил кухонный автомат. У соседей напротив пожилой колонист обходил свои грядки и вполголоса бранил умную рассаду за то, что та лениво тянулась к свету и поворачивалась за ним, точно прикормленная. За забором справа круглое, как подушка, существо нянчило троих чужих малышей, ловко перехватывало их мягкими руками, а четвёртой отбивало старый выцветший мяч, чтоб не укатился.

Лиза сидела на пороге, жмурилась от двойного света и водила пальцем по нагретому пластику крыльца. Она прожила тут всю жизнь, а наглядеться так и не успела, потому что каждое утро было щедрым на какую-нибудь чепуху, и Лиза собирала эти прелести, как другие дети собирают камешки, и от полного кармана делалось хорошо.

А Костя на всё это и смотреть не хотел.

Он торчал у перил, наглухо застегнув казённую дорожную куртку. Стояла она колом и жала в плечах, но расстегнуть ворот значило сдать, снова сделаться домашним мальчиком, и Костя терпел. Руки он держал за спиной и старательно сводил брови, а с самого подъёма говорил на полтона ниже собственного голоса. От этого чужого баса ему было неловко до судорог в скулах, но отступить он уже не мог. Свои четырнадцать он нёс в это утро осторожно и важно, как несут полную до краёв чашку, боясь расплескать.

Высоко над куполом медленно и беззвучно пролетело что-то огромное и тёмное, на миг заслонившее собою оба солнца разом. По двору, по грядкам, по запрокинутым лицам скользнула короткая прохладная тень, словно кто-то наверху прикрыл свет ладонью. То ли небесный кит, каких гоняют с грузом меж колониями, то ли сбитая в плотную тучу стая, не разобрать. Нянька о четырёх руках повела за ней всеми глазами разом, колонист задрал голову, и даже умная рассада потянулась вслед уходящему. А Костя и тут не дрогнул, не поднял лица, потому что капитан на всякую невидаль над головой шею не выворачивает, как бы она у него ни чесалась.

По улице, тяжело переваливаясь с боку на бок, катилась тётушка Маума, соседка необъятная и добродушная, что с самого отлёта родителей взяла обычай заглядывать к детям по утрам, живы ли, не спалили ли чего. Она грузно осела у крыльца и протянула что-то тёплое, круглое, завёрнутое в настоящее, с Земли привезённое вафельное полотенце.

— Возьмите в дорожку, — нараспев вывел переводчик, смешно спотыкаясь на гласных. — Маленькие летите, без больших. Душа не на месте.

— Мы не маленькие, — Костя ответил твёрдо, пряча руки глубже и стараясь не выдать горящих ушей. — Мне четырнадцать. Я за старшего. И документы у меня.

Соседка только вздохнула всем своим огромным телом. И видно было, что от неё не укрылись ни эта жёсткая тесная куртка, ни напускной бас, ни сам Костя под ними, — жалко ей было мальчика. Сказать ничего не сказала, качнулась на прощание, развернулась и покатила дальше, поднимая тёплую дорожную пыль.

Родители улетели буднично, по работе, на другой край галактики, будто в соседний корпус отошли. Мама перед дорогой собрала детей в охапку, коротко бросила Косте «ты теперь за

старшего» и этим, сама того не заметив, испортила ему всё. «За старшего» означало не ту свободу, что он распланировал себе на каникулы до последнего дня, а младшую сестру на руках, чужую дорогу с пересадками и бабушкин виноградник вместо того, что задумал он сам.

— Тебя посадили и отправили, — раздался с перил голос Гоши. Попугай сидел там важный, зелёно-красно-синий, и поглядывал на двор то одним золотистым глазом, то другим. — Меня тоже. Как груз.

— А тебя никто не спрашивает, — Костя дёрнул плечом, задетый тем, как точно птица угодила в его собственную обиду.

Лиза потянула брата за рукав и показала вверх. Над куполом, разворачиваясь по двум солнцам, уплывал далёкий пассажирский борт, и она долго провожала его глазами, потому что скоро такой же должен был повезти их к Земле.

В доме сам собою развернулся к завтраку стол, да только до него никому не было дела, потому что над скатертью дрогнул воздух и поднялась голограмма бабушки. Валентина Игнатьевна стояла посреди своего виноградника в синей косынке, ряды лозы уходили в залитый земным светом кадр, картинка чуть рябила, а сквозь все парсеки пустоты в комнату отчётливо пробивался мелкий звон колокольчика. Это паслась Зорька.

— Ну что, родные, собрались? — Валя вглядывалась в лица внуков, и голос её из-за задержки связи звучал глуховато. — Скоро вылет?

— Собрались, ба. Выходим, — Костя постарался вернуть себе тон человека, у которого всё под рукой. — Борт уже у причала.

— Маришка вам дорогу проложила, — Валя чуть подвинулась, и рядом возникло лицо Маришки с браслетом диспетчера на запястье.

— Весь путь вам рассчитала, — Маришка говорила быстро, по-деловому. — Напрямую который год не пускают, санкции, пойдёте в обход, южной дугой. Магелланы, пересадка, Луна — и дома. Пересадки все учтены, держитесь маршрута и никуда не сворачивайте.

— Ну, с Богом, — Валя приподняла сухую, тёмную от загара руку, не то перекрестить, не то просто помахать. — Лизаньку береги. И Гошу слушай, он хоть и птица, а умнее тебя бывает.

— Ба! — обиженно буркнул Костя, но голограмма уже сворачивалась, унося с собой и виноградник, и косынку, и колокольчик, который пропал последним.

Провожать высыпала вся улица, потому что тут отъезд всегда считали событием. Прибежали соседские ребята, и один шестирукий малец всю дорогу до причала нёс сумку Лизы и не хотел отдавать у самого трапа. Тётушка Маума колыхнулась на прощание всем телом.

На причале пахло разогретым камнем и дальней дорогой, гудели чужие голоса на десяток ладов, кто-то встречал, кого-то теряли в толпе и окликали. Мимо детей, обдав их ветерком, прокатился сам собою чей-то багаж на одном большом колесе, торопясь и слегка вихляя. Корабль подошёл мягко, открыл проход и сканер оглядел их по очереди. Из нутра тянуло холодом и свежим воздухом. На Косте проверка моргнула зелёным, на Лизе моргнула, а на Гоше запнулась.

— По документам я техника, — спокойно подсказал попугай притихшей у входа машине. — Привыкай.

Та подумала и пустила.

Купол ушёл вниз, посёлок сжался в светящуюся горсть среди темноты, и два солнца ударили в иллюминатор так ярко, что Лиза засмеялась и зажмурилась. Костя на них не смотрел, он их видел тысячу раз. Когда колония осталась далеко позади, он наконец расстегнул жавший ворот, и вместе с тесной курткой сошло с него всё напускное, и снова это был обыкновенный мальчишка, которому до дому ещё лететь и лететь. Он проверил карман, где лежал бережно сложенный глянцевый фантик, сел напротив сестры, помялся и сказал тихо, заговорщически, глядя в пол.

— Я тут подумал. На Магелланах мы на наш борт не сядем, а свернём ненадолго в одно место, там рядом.

— Куда? — спросила Лиза просто.

Костя ответил, а зачем туда, не прибавил и поспешно отвернулся к иллюминатору, будто струсилось что-то неотложное. Лиза не переспросила. Она знала, кто его там ждёт, потому что брат однажды проговорился по глупости. Она, как все младшие сёстры на свете, умела молчать о том, что знала. Перекинула косичку за плечо и стала смотреть, как он сверлит взглядом стекло.

Гоша пробежал по проекции маршрута и сделал то, что умел лучше всего на свете. Посчитал.

— Это не тот коридор, — сообщил он буднично. — Маришка вела прямо. А тут крюк. В сторону и обратно. Длиннее выходит.

— На сколько длиннее? — заинтересовалась Лиза.

— На сколько капитану надо, — Гоша склонил голову набок, очень довольный собственной шуткой. — Капитан ведёт коротким путём по длинной стороне.

Костя дёрнулся было огрызнуться, но Лиза хихикнула, и он только махнул рукой, пряча покрасневшие уши.

Так они и условились втроем, и беды никто из них не разглядел. Был влюблённый мальчишка, который наконец-то решал сам. Была сестра, что поняла больше, чем ей сказали. И был попугай, который сосчитал отклонение и принял его за пустяк, потому что дорога для него измерялась переходами, а беда — нет.

В каюте было тепло, а корабль летел к Магелланам той самой южной дорогой, какой когда-то везли на свадьбу четырёх бабушек. Только теперь по ней домой возвращались двое детей и один маленький план, про который они пока не догадывались, что он совсем не маленький.

* * *

Магелланы встретили их светом и шумом. Космопорт висел между двумя облаками-туманностями длинным гребнем в огнях. Когда борт подошёл к причалу, Лиза прилипла к иллюминатору, потому что такого скопления всего сразу не видала за всю свою жизнь под спокойным двойным небом Альфы Центавра.

В зале под куполом сходились дороги со всех краёв галактики, и народу было не протолкнуться. Пахло разом сотней чужих кухонь, пряным, сладким и подгорелым, и стоял такой гомон, что закладывало уши. Одни ехали на колёсах, другие бесшумно плыли над полом, третьи шагали на своих, а кто и вовсе перемещался непонятно как, оставляя за собой тёплый след незнакомого запаха. У ларька торговали чем-то светящимся, и продавец отмерял этот товар ложкой прямо из луча. Длинное многорукое существо несло на всех руках по свёртку, а свободной придерживало на голове ещё один, и Лиза засмотрелась — рук четыре, а толку как от двух, уронит ведь до выхода. А один, ростом ей по колено, на трёх тонких ножках, остановился перед Гошей, задрал то ли лицо, то ли что у него там было, и долго смотрел снизу вверх, а Гоша глядел на него в ответ, так же важно и так же молча, пока трёхножку не позвали.

Вдруг толпа колыхнулась и раздалась, пропуская поперёк зала что-то огромное и медлительное, что двигалось по своим делам, не глядя под себя и ни перед кем не сворачивая. Лиза едва успела отдёрнуть ноги, а оно проплыло мимо и даже не заметило, что чуть её не задело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.